

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

XVI-XIX века

Преподобный
Максим Грек
Праведная Иулиания
Лазаревская
Праведная София
Слуцкая
Святитель Василий
Острожский
Святитель Митрофан
Воронежский
Равноапостольный
Косма Этолийский
Преподобный
Макарий Алтайский
Святитель Филарет
Московский
Преподобный
Амвросий Оптинский



Ольга Петровна Клюкина
Святые в истории.
Жития святых в новом
формате. XVI-XIX века
Серия «Святые в истории», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11311076

*Святые в истории. Жития святых в новом формате. XVI-XIX
века. / Клюкина О. П.: Никея; Москва; 2015
ISBN 978-5-91761-437-3*

Аннотация

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы реконструировать биографии христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Пятая книга серии охватывает XVI–XIX века.

Содержание

От издательства	4
Преподобный Максим Грек	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Ключкина

Святые в истории.

Жития святых в новом формате. XVI–XIX века

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р15-504-0185

От издательства

Святость – состояние, к которому призваны все христиане. Недаром в первые века христианства святыми именовали не выдающихся подвижников, а сообщество христиан в целом. Одновременно складывалось и особое почитание мучеников, из которого впоследствии выросло почитание святых – не только погибших за веру, но и достигших своей праведной жизнью особой близости к Богу. «Друзьями Божиими» назвал святых преподобный Иоанн Дамаскин в VIII веке. Как бы ни были далеки от их подвига простые верующие, в Церкви Христовой все обретают единство, ведь святые – это люди Церкви, воплотившие призыв к святости, который

обращен к каждому христианину.

Жизнь святого всегда воспринималась как пример. В житиях – жанре, достигшем наивысшего расцвета в Средние века, – слушателей и читателей интересовали в первую очередь не исторические подробности, а воплощение подвижником христианского идеала святости.

Многие жития создавались по образцу других, более ранних текстов спустя не только годы, но и столетия после смерти святого, о котором порой не имелось практически никакой информации. Неудивительно, что современному читателю нередко бывает сложно за житийным образом разглядеть реального человека из плоти и крови.

Книга, которую вы держите в руках, продолжает серию «Святые в истории». Ее автор – писательница Ольга Ключкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы воссоздать биографии святых различных эпох. Биографии помещены в широкий исторический контекст, позволяющий ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Рассказывая о святых прошлых столетий живым современным языком, автор делает их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Серия выстроена по хронологическому принципу. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти святых.

Пятая книга серии охватывает XVI–XIX века. Значитель-

ную часть этого периода Греция и страны Балканского полуострова остаются под турецким игом, но и в условиях мусульманского владычества появляются подвижники, хранящие православную веру. Центром Православия в эту эпоху становятся русские земли. Однако официальная позиция Церкви несет свои опасности, и следование голосу совести и евангельским истинам при православных властителях порой требовало не меньшего подвижничества, чем при иноверцах. Подчинение Церкви государственным интересам в Петровскую эпоху привело к плачевным последствиям во многих сферах церковной жизни. На этом фоне общего упадка особенно ярко высвечиваются фигуры святых синодального периода.

Преподобный Максим Грек († 1556)



Преподобный Максим Грек.

Икона. Ризница Троице-Сергиевой Лавры

*О, как прекрасен, благодетелен и велик, душа, подвиг
священных твоих трудов!*

Русский просветитель XVI века Максим Грек при дворе великого московского князя Василия III и итальянский гуманист позднего Возрождения Михаил Триволис из круга Лоренцо Медичи... Что между ними общего?

В середине XX века русский историк-эмигрант Илья Денисов, сопоставив множество фактов, сделал поистине сенсационное открытие: Михаил Триволис и Максим Грек – одно и то же лицо! И к настоящему времени его гипотеза получила целый ряд новых научных подтверждений.

Оказывается, в своей «первой жизни» Максим Грек (в то время – Михаил Триволис) жил в солнечной Италии, в которую приехал в молодости из Греции учиться, зарабатывая себе на жизнь переписыванием трудов античных философов и святых отцов Восточной Церкви. Он общался с собирателем древних манускриптов Иоанном Ласкарисом, драматургом Анджело Полициано, философом Марсилио Фичино – основателем интеллектуального центра эпохи Возрождения, известного под названием Платоновской академии, книгоиздателем Альдо Мануччи, философом Джованни Франческо Пико делла Мирандола и другими известными интеллектуалами итальянского Возрождения.

Позднее на Афоне в Ватопедском монастыре Михаил принял монашество с именем Максим, после чего почти десять

лет провел в афонской обители – этот период назовем условно его второй жизнью.

Ну а третью, самую долгую и полную страданий жизнь афонский монах Максим, прозванный Греком, провел на Руси...

В 1516 году великий московский князь Василий III прислал игумену Ватопедского монастыря богатые дары, приложив к ним грамоту с просьбой прислать на Русь известного своей ученостью монаха Савву для перевода духовных книг.

Однако к тому времени Савва был уже слишком стар («многолетен и ногами немощен») и далекое путешествие ему было не под силу. Вместо него в Москву решили послать способного к переводам афонского монаха Максима, примерно сорока шести лет.

Максим не владел славянским языком, но мог быстро его освоить, так как в помощники ему дали болгарина, афонского монаха Лаврентия, а также иеромонаха Неофита, который стал духовником русской просветительской миссии.

В 1516 году – эта дата зафиксирована в посольских документах – монахи покинули Афон и почти два года через Константинополь и Крым, то морями, то сушей, добирались до места.

4 марта 1518 года Максим вместе со своими спутниками наконец-то прибыл в Москву, где с почестями был принят великим князем московским и всея Руси Василием III и его пышной свитой.

О том, как проходили подобные приемы, в своих «Записках о московитских делах» подробно написал австрийский посол барон Сигизмунд Герберштейн, посетивший Москву как раз в годы царствования Василия III:

«Около крепости мы встретили такие огромные толпы народа, что едва с великими трудами и стараниями телохранителей могли пробраться сквозь них. Ибо у московитов существует такое обыкновение: всякий раз как надо провожать во дворец именитых послов иностранных государей и королей, по приказу Государеву созывают из окрестных и соседних областей низшие чины дворян, служилых людей и воинов, запирают к тому времени в городе все лавки и мастерские, прогоняют с рынка продавцов и покупателей, и, наконец, сюда же отовсюду собираются граждане. Это делается для того, чтобы через это столь неизмеримое количество народа и толпу подданных выказать иностранцам могущество Государя, а чрез столь важные посольства иностранных государей явить всем его величие».

Афонская делегация прибыла отнюдь не по частным делам: по пути на Русь монахи встретились с константинопольским Патриархом Феолептом I, который передал грамоту московскому митрополиту Варлааму. Вместе с миссионерами Патриарх отправил в Москву своих посланцев: митрополита Кизического Григория и патриаршего дьякона Дионисия.

На Руси, где не любили запоминать трудные и непривыч-

ные для слуха иноземные имена, всех их называли просто: Григорий Грек, Дионисий Грек, Максим Грек...

Наверняка в Москве делегацию тоже торжественно встретили на паперти Благовещенского собора, где традиционно начинались подобные приемы. Затем иностранцев провожали в царский дворец, причем на нижнем крыльце их встречала одна группа бояр, на верхнем – вторая, по коридорам провожала третья, а в царские палаты входили только лица, наиболее приближенные к трону.

«Если мы, проходя мимо, случайно приветствовали кого-нибудь, близко нам известного, или заговаривали с ним, то он не только ничего не отвечал нам, но вел себя вообще так, как если бы он нигде не знал никого из нас и не получал от нас приветствия», – изумлялся непроницаемо-важно-му виду московских бояр объехавший полмира австрийский дипломат барон Сигизмунд фон Герберштейн («Записки о московитских делах»).

Эти впечатления важны как несколько отстраненный взгляд иностранца на русскую действительность – ведь Максим Грек тоже приехал на Русь издалека.

В Москве того времени как раз была мода на все итальянское – вольный дух Ренессанса достиг Руси прежде всего в виде желания окружить себя красотой.

Иван III, отец правившего в то время великого князя Василия Ивановича, пригласил в Москву для перестройки Кремля многих известных итальянских зодчих и строителей.

Итальянцы выстроили новый великокняжеский дворец, отреставрировали древние московские храмы, полностью перделали кремлевские стены и башни. Именно тогда в Московском Кремле появились стены из красного обожженного кирпича с зубцами, построенные по образцу замка династии Сфорца в Милане.

Но, принимая иностранные архитектурные новшества, к самим иностранцам русские люди относились с большим подозрением и неприязнью – такова их характерная особенность.

«Русские относились к иностранцам не только с недоверием и неприязнью, но даже с полным отвращением и презрением. Эти чувства к иностранцам составляли крепкую и высокую стену, долгое время преграждавшую путь западного просвещения в наше государство», – уточняет историк XIX века И. В. Преображенский.

Прежде всего, сближению мешали религиозные расхождения: православные исстари старались держаться на расстоянии от католиков, иудеев и всех, кто исповедовал «не греческую» веру.

Но неприязнь к иностранцам проявлялась и в обычной, повседневной жизни Москвы. Ведь любое новое заставляет усомниться в прекрасности старого, ломает глубоко укоренившиеся обряды – и многие родовитые московские бояре воспринимали нововведения как измену отеческим традициям.

В свою очередь, иностранцы тоже обращали внимание на особенности русского менталитета, которые выражались во всем, даже просто в устройстве боярских теремов.

«Сени домов достаточно просторны и высоки, а двери жилищ низки, так что всякий входящий должен согнуться и наклониться», – удивлялся, вероятно, набивший немало шишек барон Герберштейн.

В отношениях с людьми это тем более было видно на каждом шагу.

«Если это – человек, имеющий какое-нибудь значение, то хозяин следует за ним до ступенек; если же это – человек еще более знатный, то хозяин провожает его и дальше, принимая во внимание и соблюдая достоинство каждого» («Записки о московитских делах»).

Впрочем, афонскому монаху Максиму и его помощникам первое время некогда было вникать в особенности старомосковского менталитета: они с утра до вечера были загружены «выправкой» богослужебных книг.

Афонцев разместили в придворном Чудовом монастыре, назначив на довольствие от царской кухни, и создали все необходимые условия для работы. Одной из первых книг, предложенных им для перевода, стала Толковая Псалтырь.

Работа осуществлялась таким образом: Максим Грек переводил текст с греческого языка на латынь, затем его помощники, в числе которых были владевшие латынью русские переводчики из Посольского приказа Дмитрий Гераси-

мов (Митя) и Власий Игнатов (Влас), переводили его на язык старославянский.

После этого за работу принимались писцы: знаменитый книгописец того времени Михаил Яковлевич Медоварцев, из новгородцев, и монах Троице-Сергиева монастыря Селиван (Силуан), – от них требовались внимательность и красивый почерк.

В этой группе образованных, начитанных людей Максим Грек выделялся своими энциклопедическими познаниями в различных науках и пользовался большим авторитетом. «И много от человек нынешнего времени отстоит мудростью, разумом и остроумием», – напишет о своем наставнике троицкий монах Селиван.

Великий князь московский Василий III и его подданные относились к Максиму Греку с большим уважением.

В «Сказании о Максиме иноке святогорце Ватопедской обители» неизвестного автора рассказывается, что однажды Василий III пригласил афонца Максима в царское книгохранилище, чтобы показать ему редкие и дорогие греческие книги. Некоторые фолианты за много лет до этого были преподнесены в дар его предкам, великим московским князьям, другие куплены в Царьграде за большие деньги. Но афонского монаха больше всего впечатлило другое: бесценные рукописи лежали на полках, изъеденные молью, покрытые пылью и плесенью. За сто лет их не то что никто не переводил, но, похоже, даже к ним не прикасался.

При виде книжных сокровищ афонский монах застыл «в многоразмышленном удивлении» и сказал царю, что нигде, даже у греков, он никогда не видел такого собрания редких рукописей. Наверняка Василию III было приятно слышать такие похвалы. Максим Грек высказался и по поводу паутины и моли; он напишет об этом в «Послании московскому великому князю Василию III по поводу завершения перевода Толковой Псалтыри»: «Сие и ныне воистину воздвиге твою державу к превожению толковании псалмов, по многа лета в книгохранилище заключеных бывших, и модем единым в яд предлежавших, человеком же никою ползу подавших».

А кому понравятся подобные замечания? Не могли ли они стать первой трещиной в отношениях Максима Грека с властным московским государем?

Далее «Сказание...» повествует, что афонский монах Максим получил высочайшее дозволение посещать царское книгохранилище. С того времени он все свободное время проводил среди рукописей, составляя опись греческих книг («имена книгам тем явственню сотворил») и делая некоторые переводы, причем «без всякой цены, даром».

Когда перевод Толковой Псалтыри с греческого языка на старославянский был с успехом завершен, текст отослали на рассмотрение московскому митрополиту Варлааму, который высоко оценил его уровень и похвалил переводчиков.

В «Послании Максима Грека князю Василию III.» монах еще раз поясняет значение своей работы и просит отпустить

его обратно на гору Афон:

«Мне же и находящимся со мною братьям благоволи за весь труд наш даровать просимое нами возвращение в Святую Гору, и этим избавить нас от печали долгой разлуки. Возврати нас опять сохранным честной Ватопедской обители, давно нас желающей и ожидающей нашего возвращения, как бы птенцов, питаемых ею».

В последней части послания поневоле обращает на себя внимание умоляющая интонация

Максима Грека – он как будто предчувствует, что его могут и не отпустить. Или уже о чем-то догадывается?

Ответ из дворца не заставил себя ждать: двум афонским монахам, его спутникам Лазарю и Неофиту, великий московский князь разрешил вернуться на Афон, а Максиму Греку было велено остаться в Москве для новых переводов.

Как-то позабылось, что в грамоте на Афон Василий III просил прислать ему книжного переводчика «на время», да и то, если тот «захочет потрудиться на Руси».

Проводив афонцев, Максим Грек принялся за перевод толкований на Деяния апостольские.

К тому времени в Москве вокруг него сплотился кружок русских людей, жаждущих просвещения, как писал о таких князь Андрей Курбский – кто был «гладом духовным истаеваем».

Для московских князей и бояр многое в биографии Максима Грека было необычно: и учеба в молодости во Флорен-

ции (этих «новых Афинах»), Милане, Болонье и Падуе, и круг его просвещенных итальянских знакомых, и рассказы об афонских монастырях, да и вообще его необычайная образованность. Ученый грек свободно оперировал в разговоре именами Пифагора, Платона, Эпикура, Сократа, Аристотеля, Гомера, Гесиода, Плутарха, Менандра – все они встречаются и в его сочинениях – и обладал энциклопедическими познаниями в самых разных науках.

«Там преподаются всякие науки, не только по части церковного благочестивого богословия и священной философии, но и всякие внешние науки и учения преподаются там и достигаются совершенства под руководством людей, усердно преданных этим наукам, каковых рачителей наук находится там великое множество», – рассказывал Максим Грек о Парижском университете («Повесть страшная и достопамятная и о совершенной иноческой жизни»). И при этом обращал внимание, что «преподавателям же этих наук ежегодно выдается значительная плата из царской казны, так как тамошний царь имеет особенную любовь к просвещению и усердие к словесным наукам».

Первое российское высшее учебное заведение подобного уровня, Академия наук в Санкт-Петербурге, откроется еще только при Петре I, через двести лет. А пока шел XVI век, и «университетами» для жаждущих знаний знатных москвичей стала келья афонского монаха в Чудовом монастыре. Среди его «вольных слушателей» были князя Петр Шуй-

ский и Андрей Холмский, бояре Василий Тучков, Иван Сабуров, инок из княжеского рода Вассиан Патрикеев, дипломат («боярин-западник») Федор Карпов и другие влиятельные лица при царском дворе.

Русский историк С. М. Соловьев, назвавший историю «наукой народного самопознания», предложил интересную теорию: все народы, как и отдельные люди, в силу различных исторических причин также имеют свой возраст. По его глубокому убеждению, за два столетия ордынского ига в плане просвещения Русь как раз примерно на двести лет задержалась в своем развитии. Сравнивая Россию с народами Западной Европы, он пишет: «Они совершили свой переход из одного возраста в другой в XV и XVI веках посредством науки, чужой науки, через открытие и изучение памятников древней греко-римской мысли... Наш переход из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль, совершился в конце XVII – начале XVIII века. Относительно этого перехода мы видим разницу между нами и нашими европейскими братьями, разницу в два века».

Такой подход помогает понять судьбу Максима Грека: ведь он оказался на Руси в то время, когда она находилась в переходном «подростковом», как известно, самом неуправляемом возрасте.

Многие исследователи называют Максима Грека бесстрашным обличителем пороков русской жизни. Но в его

сочинениях есть и другое – взгляд взрослого человека на крайне невоспитанного ребенка: удивленный, сочувствующий, строгий, предупреждающий об опасных последствиях. Если бы только дети учились на чужом опыте!

«Культурность и любовь к просвещению не даются сразу, а нарастают и копятя в нациях веками и тысячелетиями», – пишет русский историк А. В. Карташев, давая объяснение образовавшемуся культурному разрыву между Россией и Европой, переживающей во времена Максима Грека эпоху Возрождения.

На Руси XVI века многие люди даже чтение книг считали проявлением ереси и формой «умопомешательства», твердя поговорку: «Кто много книг читаше, тот в ересь впадаши!»

«Во всей Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями. У московитов чрезвычайно ученым считается тот, кто знает славянские буквы. Молитву Господню знают очень немногие, а Символ апостольский, десять заповедей и Богородицу знают чрезвычайно редко», – поделился своими наблюдениями живший в конце XV века в Москве секретарь иезуитского ордена Антонио Поссевино («Исторические сочинения о России XVI века»).

Дремучее невежество простого народа замечали не только иностранцы. В конце XV века новгородский архиепископ Геннадий жаловался в послании к митрополиту Симо-

ну: «Приказываю учить азбуку, а они, немного научившись азбуке, просятся прочь, не хотят учить ее. А у меня духу не достаёт ставить неучей в священники. Мужики неучи учат ребят грамоте и только портят, а между тем за учение вечерни принеси мастеру кашу, да гривну денег, за утреню тоже, или больше; за часы особо... А отойдет от мастера и ничего не умеет, едва-едва бредет по книге; а церковного порядка вовсе не знает».

«Здесь на Руси книги не прямы, – удрученно заметит и Максим Грек, – а иные книги переводчики перепортили, не умели их переводить, а иные книги писцы перепортили, ино их надобно переводити».

Сам он, как видно из предисловия к переводу «Бесед св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея», написанного учеником Максима Грека Селиваном в 1524 году, к тому времени хорошо изучил русский язык и свободно на нем разговаривал.

А поговорить было о чем: в то время многие образованные люди на Руси вдруг не на шутку увлеклись астрологией и полюбили рассуждения о «колесе Фортуны». Большой популярностью пользовался завезенный из Венеции астрологический «Альманах», где по звездным расчетам планет в созвездии Водолея в феврале 1524 года предсказывался второй Всемирный потоп. Эта новость вызвала в высшем московском обществе немалый переполох, вплоть до строительства ковчегов в имениях, – и, конечно, она не раз была в цен-

тре обсуждения в келье ученого афонского монаха.

Максим Грек призывал москвичей не верить ни в «астро-логическое безумие», ни в «латинскую ересь» и написал на эти темы несколько полемических, с оттенком сатиры, сочинений.

«Пусть ворующий не говорит, что в его воровстве виновата планета Меркурий... ни развратник пусть не выставляет виновницей его разврата планету Венеру. Они обвиняют звезды, себя же – никогда», – писал он.

Удивляли ученого грека и превозносящие свою псевдо-ученость священники и монахи, которые под видом творений святых отцов цитировали и ссылались на сомнительные апокрифы, все эти «болгарские басни».

«Мнимые учителя нынешнего века. чаще занимают-ся болгарскими баснями, точнее бабьими бреднями, чем услаждаются разумением великих учителей», – писал о своих современниках и князь Андрей Курбский.

Сразу же по прибытии на Русь Максим Грек, сам о том не подозревая, невидимым водоворотом оказался вовлечен в спор государственной важности между так называемыми иосифлянами и нестяжателями, или заволжскими старцами.

Спор этот начался еще при жизни его главных идеологов – игумена Волоколамского монастыря Иосифа (Санина) и Нила Сорского (Майкова), основавшего скит на реке Соре возле Белого озера.

Игумен Иосиф, благодаря незаурядным хозяйственным

способностям, сумел обустроить и быстро обогатить Волоколамский монастырь. Обладал он и ярким литературным дарованием, убедительно обосновав в своих сочинениях все плюсы такой практической деятельности.

Богатство, писал он, вовсе не портит монастырскую жизнь, если употреблять его разумно и с пользой. Пусть в собственности у монастырей будет как можно больше земель и сел – а значит, и мест, где образованные люди благородного происхождения смогут принять постриг, а впоследствии занимать высшие церковные должности. Иначе где взять для русских городов архиепископов и епископов, чтобы они просвещали народ? Ведь в нищенствующим монастырях в основном подвизается простонародье, люди безграмотные, и без расцвета обителей не может быть расцвета всей церковной жизни.

Против этой позиции с не меньшей убежденностью выступали Нил Сорский и его многочисленные последователи, получившие название заволжских старцев, так как они все были из северных, основанных за Волгой монастырей. Нил и сам был монахом-отшельником, и вообще считал, что предназначение монашества состоит в чистой от мирских забот молитвенной и нестяжательной жизни.

Мнения резко разделились: духовенство практического склада, так называемые иосифляне, отстаивало право иметь как можно больше монастырской собственности. Нестяжатели их за это всячески укоряли и обличали, приводя в пример

отцов-пустынников, которые кормились трудом рук своих, всей душой устремляясь к Богу.

Максим Грек с самого начала принял сторону нестяжателей, прежде всего основываясь на опыте европейских и афонских монастырей.

В молодости, в свою бытность в Италии он несколько месяцев жил в качестве новиция (новоначального) в доминиканском монастыре Сан-Марко во Флоренции. Как и орден францисканцев, носящий имя Франциска Ассизского, «апостола нищеты и любви», доминиканцы тоже принадлежали к числу нищенствующих орденов. То есть жили благодаря пожертвованиям благочестивых горожан и вовсе не стремились к владению землями или замками. А в афонских общежительных монастырях было принято всех приходящих принимать и постригать бесплатно, и монахи в своих кельях даже не имели личной иглы или ниток.

Желая убедить других в том, что свобода от собственности является идеалом монашеской жизни, Максим направил во дворец свое сочинение, известное как «Послание московскому великому князю Василию III об афонских монастырях».

В келье Чудова монастыря не раз обсуждали «зазорное житье» в русских обителях: торговлю церковными должностями, ростовщичество, погрязших в пирах и неумеренном пьянстве лиц, облаченных в духовный сан.

К 1523 году Максим Грек перевел беседы святого Иоан-

на Златоуста на Евангелие от Матфея и Иоанна, третью и четвертую главы из Второй книги Ездры, отрывки из книги Даниила, Есфирь, отрывки из книг малых пророков с толкованиями, три сочинения Симеона Метафраста, одновременно занимаясь просмотром и исправлением Толкового Евангелия, а также греческими книгами из царского книгохранилища.

Афонский монах трудился без усталы, но при этом отношение к нему московского владыки и его приближенных становилось все более прохладным.

За разговорами в келье Чудова монастыря давно велась слежка. Особенно во дворце интересовались высказываниями монаха Максима по поводу царской власти и монастырской собственности.

Ситуация еще больше обострилась, когда в 1522 году на место московского митрополита Варлаама был поставлен владыка Даниил. Он принадлежал к числу убежденных иосифлян и был недоброжелателем, а теперь можно определенно сказать – тайным врагом Максима Грека.

Смена митрополитов в Москве вообще была тревожным сигналом, учитывая, что великий князь Василий III не просто прогнал Варлаама с кафедры, но сослал в заточение. В России это прежде редко практиковалось по отношению к высшим духовным лицам.

Согласно летописи, в декабре 1521 года митрополит Варлаам «в железе» был сослан в Каменный монастырь на Ку-

бенское озеро, как шептался народ, за свою несговорчивость... По Карамзину, это был «человек твердый и не льстец великому князю, ни в каких делах противник совети».

Новый московский владыка был полной противоположностью митрополиту Варлааму. Вездесущий Сигизмунд Герберштейн оставил язвительное описание митрополита Даниила. Это был «человек со здоровым и тучным телом и с красным лицом. Для того чтобы не казаться преданным более желудку, чем постам, бдению и молитве, он всякий раз, как намеревался публично отправлять богослужение, обыкновенно делал свое лицо бледным с помощью серного дыма и в таком виде выходил пред народом».

Другими словами, это был человек показного, внешнего благочестия – из числа тех, кого Максим Грек особенно не жаловал, посвятив им немало обличительных слов. Такой человек «старается украсить лишь внешний свой вид разноцветными и мягкими шелковыми тканями, золотом, серебром и драгоценным жемчугом; а к Божественному учению, зазирающему (порицающему. – *Ред.*) одеваться в мягкое, он, как аспид какой глухой, затыкает уши свои.» («Слово 1. Весьма душеполезное для внимающих ему. Беседует ум к душе; здесь же и против лихоимства».)

Встречи с подобными людьми для Максима Грека были сродни недоумению, испытанному в царском книгохранилище. Дорогие золоченые облачения-«обложки», высокий ста-

тус, а откроешь – покрытые плесенью страницы, непригодные для чтения.

Вот только о ком это сказано? О духовенстве вообще или о ком-то конкретно? Не из-за таких ли речей митрополит Даниил считал афонца своим личным врагом?

За несколько лет пребывания на московской кафедре митрополит Даниил написал большую книгу поучительных посланий, призывая народ к аскетизму и выступая против «гуслей и всяких игр» («где пляски, там сатана»). Но сам он вовсе не был аскетом и легко вписался в пышную придворную жизнь.

«Весь ум его занят золотом, все многомятежное попечение его о том, как угодить властям. Язык его развязан, не имея священных уз молчания; все говорит с гневом и досаждением», – пишет Максим Грек в аллегорическом разговоре ума с душой, но сквозь эти строки так и проглядывает чья-то вполне реальная физиономия.

Вскоре подоспела и скандальная история в царском дворце, связанная с разводом великого князя. Со своей супругой Соломонией Василий III прожил около двадцати лет, но их брак оказался бездетным. И великий московский князь, желая обеспечить себя потомством, решил развестись с царицей и жениться вторично на Елене Глинской, из рода литовских выходцев.

Максим Грек неоднократно высказывался против развода, такого же мнения придерживались многие участники

диспутов из его московского окружения. Соломония была отправлена в монастырь и насильно пострижена в монашество под именем София. Митрополит Даниил, которого князь Андрей Курбский назовет «потаковником» великого князя, не возражал против этого и обвенчал Василия с Еленой Глинской.

История с разводом наделала много шума в Москве и породила небывалые слухи. В народе говорили, будто бы заточенная в монастырь Соломония родила сына, назвала его Георгием и до поры нарочно никому ребенка не показывает. Но когда царевич подрастет, он сполна отомстит отцу за все обиды, причиненные его матери.

Обсуждение истории во дворце тянуло на «вольнодумство» и даже на заговор против существующей власти. «Они [русские] открыто заявляют, что воля Государя есть воля Божья, и что ни сделает Государь, он делает по воле Божией. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божиим; наконец, веруют, что он – свершитель Божественной воли», – сообщает Сигизмунд Герберштейн о той неограниченной власти, которой в XVI веке на Руси обладал правитель государства.

Никто не смел обсуждать и уж тем более осуждать действия «ключника и постельничего Божьего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.